

УДК 821.161.1.09

В.А. Скрипкина

Московский государственный областной университет

**АРХИТЕКТОНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭМЫ Н. ГУМИЛЁВА
«КАПИТАНЫ» В СВЕТЕ НЕОРОМАНТИЗМА**

V. Skripkina

Moscow State Regional University

**ARCHITECTONIC FEATURES OF THE POEM BY N. GUMILEV "CAPTAINS"
IN THE LIGHT OF NEOROMANTICISM**

Аннотация. Особенности строя поэмы Н.С. Гумилёва «Капитаны» можно соотнести с организацией классической сонаты, что позволяет постигнуть глубинную суть замысла поэта, философский подтекст образа центрального героя.

В каждой из четырех частей поэмы оригинально проявляется неоромантический пафос, что открывает изменение ритма, метра, образной системы, оригинальные реминисценции, поэтические ассоциации. Наиболее интересно заключающее поэму стихотворение, выводящее лирический сюжет на новый уровень обобщения.

Ключевые слова: архитектоника, неоромантизм, соната, кода, дифирамб, романтический пафос.

Abstract. The system features of a poem by N. Gumilev "Captains" can be correlated with the organization of a classical sonata that allows to understand the deep essence of poet's plan, philosophical sense of an image of the protagonist.

In each of four parts of a poem neo-romantic pathos that opens change of a rhythm, meter, figurative system, original reminiscences, poetic associations is shown in an original way. The verse that concludes the poem takes the lyrical plot to a new level of generalization.

Key words: architectonic, neo-romanticism, sonata, code, dithyramb, romantic pathos.

О природе неоромантизма рубежа XIX –XX веков писал современник создателя поэмы «Капитаны» литературовед Семён Афанасьевич Венгеров, он предложил термин «неоромантизм» применить к характеристике всего русского литературного движения 1890-1910-х годов, т. к. «у всего поколения (...) есть одно общее устремление куда-то в высь, в даль, в глубь, но только прочь от постылой плоскости серого прозябания, которое и даёт основание сблизать литературную психологию 1890-1910-х годов с теми порывами, которые характерны для романтизма». [2, с. 17] Разные стороны «нового» романтизма рассматривали Д. Мережковский, А. Белый, А. Блок. Понятие «неоромантизм» в наши дни органично для литературоведческой науки как одна из характеристик «культурного ренессанса конца XIX – начала XX столетия. Ему посвящены статьи в различного рода словарях и энциклопедиях, используется он и в научных трудах [4, с. 5]. Н.С. Гумилев, безусловно, причислен к представителям «неоромантического» художественного метода. Е.Ю. Кармалова в своей диссертации, посвящённой этому вопросу, утверждала, что «неоромантические черты характерны не только для творчества, но и для мировоззрения Гумилева». [4, с. 16]

«Тяготение души к неясному музыкальному началу» [7] как черта «неоромантизма» в «Капитанах» Н.С. Гумилёва проявляется прежде всего на уровне архитектурном, идейно-композиционном». Четырёхчастная форма поэмы, её смысловая и ритмическая организация соответствуют в музыке трёхчастной канонической сонате, завершающейся кодой (дополни-

© В.А. Скрипкина, 2012.

тельной частью, служащей выведению главной партии на качественно иной, аксиологический уровень. (Кода снимает контрасты, закрепляет «устойчивость», но основывается на самостоятельном материале).[6, с. 257] В свою очередь сонатная форма состоит из экспозиции, разработки и репризы. Первая из данных частей включает в себя изложение и первоначальное развитие темы (главной партии), «содержит ведущую мысль» [6, с. 514, В.П. Чинаев].

В первой главе «Капитанов» Гумилёва, написанной трёхстопным анапестом, что придаёт тексту размеренно-повествовательный эпический характер, уже в первых строфах обозначена главная тема (ведущая партия): «капитаны – открыватели новых земель» [3, с. 116]. Такое определение главного героя (обобщённого характера) устанавливает связь с другой поэмой Н. Гумилёва «Открытие Америки», вошедшей в книгу «Чужое небо» (1912) и имеющей для поэта, как можно предположить, программный характер. Не случайно многие исследователи творчества автора «Жемчугов» образ «музы дальних странствий» соотносили не с героем поэмы Колумбом, а самим Н.С. Гумилёвым. Думается, это произошло в связи с включением самого создателя «Открытия Америки» вместе с героем в круг тех, кого поэт определил словом «Капитаны».

Эпичность, широкий временной диапазон художественному пространству одноименной поэмы придаёт всего лишь один гомеровский эпитет из второй строфы первой главы – «быстрокрылые» (вернее «быстрокрылых»), с подразумеваемым словом «корабли». Фольклорно-сказочный образ, обозначенный этим словосочетанием, навеивает ассоциацию с пушкинской «Сказкой о царе Салтане...». Т. о. «зачин» (экспозиция) сразу погружает читателя в дивный мир романтики, приключений, путешествий. Этот эффект достигается использованием описательных конструкций вместо предметов-существительных. У Пушкина: «Ветер по морю гуляет и кораблик подгоняет...» Главное –

действие. У Гумилёва: «по морю» заменено красивым – «По изгибам зелёных зыбей». «Ветер» не называется вовсе, а подразумевается в строчке: «Шелестят паруса кораблей». И пространство («На полярных морях и на южных») и время раздвинуты безмерно. Вопрос «когда это происходило?» имеет один ответ: «всегда». Что тоже сближает поэму с древними эпическими формами и устным народным творчеством. Характеристика «капитанов» идеальна. Они бесстрашны, опытные в мореплавании, решительны. Им присуща дерзость первооткрывателей и воля в достижении поставленной цели. Слово «мальстремы» во множественном числе не только напоминает новеллу Э. По, но указывает на умение капитанов в любой экстраординарной ситуации сохранять светлым ум и не поддаваться эмоциям. Общий абрис героя поэмы, кажется, дан. В четвертой и пятой строфах вступают, если использовать музыкаведческую терминологию, «побочные партии»: «покинутый порт» и «бунт команды», они будут главными в репризе – третьей главе. Поэт подчёркивает, что речь ведётся не об одном исключительном герое, а о многих, прославившихся в веках, смело вступающих в сражение с морской стихией. Обозначается тип героя повтором утвердительного местоимения «ни один». Капитан твёрдой рукой ведёт корабль, не пасуя перед бурями и грозами, даже если «гребни волн поднялись в небеса» [3, с. 116]. Снова почти прямая цитата из новелл поэта-романтика Э.А. По. В конце первой главы «Капитанов» «главная партия» расширяется: к образу первооткрывателей добавляются воин (возможно даже пират), китобой, контрабандист. Этот перечень напоминает о знаменитых приключенческих романах Стивенсона, Мелвилла, Конрада, Киплинга, др. Тема заявлена, романтический портрет нарисован, но и то, и другое требует развития и углубления.

Главной чертой художественной палитры Гумилёва в первой главе поэмы можно считать очень точные, ёмкие, часто метафорические эпитеты, делающие центральный образ полно-

кровным, выпуклым, вызывающим массу разнообразных ассоциаций: («меткая пуля», «исполинские киты», «ночь многозвёздная», «свет маяков охранительный» и т. п.). Используются эпитеты как для создания портрета героя, так и для обозначения фона его деяний.

Доминантой второй главы становится углубление представления, что речь идёт не об отдельной личности, а о понятии обобщённом, типаже. Отсюда соединительные словесные конструкции, включающие местоименные формы: вы все, вы, и вы, ваши грезы, ваши имена. Общее определение собирательного героя тоже меняется. Капитаны теперь «паладины Зелёного Храма» [3, с. 117], т. е. подчёркивается их доблесть и рыцарское служение своему делу, морю. Поэт включает в это многоуровневое сообщество и реально живших, прославившихся своими открытиями мореплавателей разных стран (Португалии, Англии, Франции, Испании, Италии), вплоть до древнего Карфагена (7–6 вв. до н.э.) и выдуманных легендарных, мифологических персонажей. Интересно отметить, что большинство упомянутых совершали свои открытия или путешествовали на Востоке, на Великом Тихом океане или возле столь любимой Гумилёвым Африки. Главная тема всё больше расширяется. В понятие «капитаны» включаются и морские разбойники, и рыцари-крестоносцы, и даже «первые люди на первом плоту» [3, с. 117]. Развитие темы идёт не только по пути включения все большего количества примеров. Нет. Хвалебный «дифирамб» посвящён людям, объединённым общим стремлением предпочесть спокойному и благополучному существованию «счастье дерзновенья» (по определению В. Брюсова, именно так назвавшего творческое начало в истинном герое). «Любимцы веков»). Гумилёв эту ёмкую характеристику распространил:

*И все, кто дерзает, кто хочет, кто ищет,
Кому опостытели страны отцов,
Кто дерзко хохочет, насмешливо свищет,
Внимая советам седых мудрецов!* [3, с. 117]

Одический характер второй главы усилен экспрессией особенной эмоциональной окра-

ски: восхищения, преклонения, мысленного уподобления своим кумирам. В трёх заключительных строфах к гимну капитанам добавляется новый мотив романтической мечты, грёзы о далеких путешествиях, экзотических, не открытых ещё землях, «куда не ступала людская нога» [3, с. 117]. Эта часть (три строфы) построена в виде полемического диалога романтика-мечтателя и так называемого «мудреца» обывателя, по мнению которого, всё уже известно, открыто и даже все звёзды пересчитаны. Спор имеет открытый финал, чем поэт включает в спор-размышление и читателя, позволяя каждому определить свою позицию.

Центральный образ получает иное качественное осмысление. Включением большого числа глаголов подчёркивается важность деяния. Слово «открытие» тоже приобретает многозначный характер, благодаря расширенному толкованию творческого дерзания, готовности к поступку, смелому нарушению стереотипов.

Третья глава – явная реприза. Резко меняется ритмико-мелодический рисунок. Размеренный четырёхстопный амфибрахий заменяется четырёхстопным же хореем. Аллитерации второй главы сменяют разнозвучные ассонансы. Главную партию (тему капитанов) – побочные: порт и жизнь «весёлых матросов» на берегу, которые даются в сниженно ироническом ключе. «Развлечения» их низкопробны: пьянство, азартные игры, драки, пустая болтовня, замешанная на обмане. Это отражено и вербально («хватив сидру», «в заплёванных тавернах», дерзко выклянчить», «на затоптанном полу», «пьяных слов бессвязный лёт» и т. п.) [3, с. 118]. Тем не менее, поэт не осуждает своих героев-матросов, показывая только их слабость по отношению к «зову дурмана» береговой жизни. Просто на земле, в противоположность морю, для них нет достойного занятия, поэтому «хорошо по докам порта/ И слоняться, и лежать» [3, с. 118], но жить полнокровно можно только в плавании, преодолевая водные пространства и себя. Главному герою в этой главе посвящены только две строки.

Портовая жизнь не его стихия. Главная партия завершает эту часть поэмы.

*Только рупор капитана
Их к отплытью призовет. [3, 118].*

Думается, что поэт использует выражение «рупор капитана», а скажем, не «голос капитана» преднамеренно, вызывая невольную ассоциацию с «рогом Роланда», переводя тем самым лирический сюжет вновь в героико-романтический ракурс.

Четвёртую часть (коду) отделяет от предыдущих не только иной пафос, но и особенный легендарный сюжет. История о Летучем Голландце, корабле-призраке, наиболее любимый пример морского фольклора, многовариантный и бессмертный, можно даже сказать, вневременный. Кажется, что сам жанр легенды романтичен по своей природе. У Гумилёва он подчёркивается отражением в литературном произведении, снова явный намёк на новеллы Э. По (например, «Рукопись, найденную в бутылке», сюжет которой разворачивается, как и легендарной истории, за «тропиком Козерога», т. е. Южным тропиком). Кроме фольклорно-литературного плана параллелей, есть ещё и музыкальный – переключка с сюжетом оперы «Летучий Голландец» знаменитого немецкого композитора и поэта-романтика Рихарда Вагнера, очень популярного в начале XX века в России. Кажется, достойное завершение романтической поэмы. Но Гумилёв уже в первых строчках делает заявку на совершенно особую роль этой вроде бы дополнительной части:

*Но в мире есть иные области,
Луной мучительной томимы.
Для высшей силы, высшей доблести
Они навек недостижимы [3, 119].*

О каких же «иных областях» идёт речь? Мистике, оккультизме, астрологии? Думается, нет. Ведь все варианты легенды о «Летучем Голландце» сходны в одном: «капитан с лицом Каина» (у Гумилёва) всегда убийца, часто заключивший союз с дьяволом, вдобавок богохульник, страшно наказанный за свои грехи, проклятый навек. Как известно,

даже встреча с кораблём-призраком грозит морякам бедой. Поэт переводит размышление в мир онтологических ценностей: Добра и Зла, жизни, смерти и бессмертия, преступления и наказания. Тайна бытия влечёт и пугает. Внутренние диссонансы личности находят отражение во внешнем мировом неблагополучии. Вопрос поиска смысла жизни и личного самопознания и самоопределения становится в XX веке ещё острее, чем прежде.

Классический четырёхстопный ямб с пиррихиями и спондеями делает лирическую интонацию убедительной и уверенной. Будто ведёт за собой. Несмотря на сюжетность главы, читающий распознаёт субъективный характер повествования. Так можно говорить только об очень личном, самом важном и значительном. «О том, что где-то есть окраина...» [3, с. 119]. Край света, земного существования или конец времён? Снова вспоминаются строки Брюсова: «Смерти таинство проверь!» Бесконечен путь постижения неведомого, как будто утверждает и Гумилёв.

Построение поэмы по принципу музыкальному сонатной формы с добавлением в качестве четвёртой части коды делает, на наш взгляд, неоромантический пафос более убедительным и достоверным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брюсов В.Я. Собрание соч. в 7-ми т. Т. I. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 145.
2. Венгеров С.А. Русская литература XX века. 1980 – 1910. – М.: Республика, 2004. – С. 17.
3. Гумилёв Н.С. Сочинения в 3-х томах. – Т. I. Стихотворения и поэмы. – М.: Художественная литература, 1991. – С. 116 – 119.
4. Кармалова Е.Ю. Неоромантические тенденции в лирике Н. Гумилёва 1900 – 1910-х годов: автореф. дисс. канд. филол. наук. – Омск, 1999. – 17 с.
5. Кружков Г.М. *Communio roeparum*: Йетс и русский неоромантизм: Автореф. дисс. канд. филол. наук. – М., 2003. – 22с.
6. Кюрегян Т.С. Кода//Музыкальный энциклопедический словарь. – М.: Энциклопедия, 1991. – 672 с.
7. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. / Под редакцией Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского (Неоромантизм) Т. 1 – М.-Л.: изд. Д. Фенкель, 1925.– С. 514.